Одд
и ключ
времени
Оак Баррель

Оак Баррель
Одд к Ключ времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20638792
Одд и ключ времени: 2016

Аннотация

Это история о том, что труднее вернуться, чем уйти, о дружбе, которая бывает, и приключениях, которые случаются, о времени, что можно повернуть вспять, и тупом упрямстве, которое не доводит до добра. Где-то за тысячелетия до живут косматые дикари, сами не свои до смешных рассказов. А в недалеком после по улицам носятся жуткие повозки размером с дом. Под горой живут орки, ворующие детей. Тролль чинит мельничные колеса. А мальчик в шахте находит нечто, оказывающееся вовсе не тем, на что похоже.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	32
Глава 6	44
Глава 7	49
Глава 8	60
Глава 9	70
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Оак Баррель
Одд и Ключ времени

Глава 1
Одд

Со стены на Одда смотрел крупный коричнево-зеленый слизняк с лиловыми бусинами глаз на подрагивающих стеблях. Полупрозрачный и неподвижный, он напоминал один из тех редких камней, которые попадались в шахте вблизи залежей слюды.

«Неприятное создание», – подумал Одд и отвернулся, снова принявшись стучать киркой об известняк и стараясь думать о чем-нибудь прекрасном вопреки унылой сумеречной штольне. Тоннель за его спиной тянулся узким проходом в человеческий рост. Точнее, в рост мальчика тринадцати лет, достаточно высокого для своего возраста и необычайно тощего, с бледной, натянутой на лице кожей, давно лишенной солнечного света. Кое-как укрепленный балками потолок сочился водой, которая стекала под ноги, покрывая мутной пеленой щиколотки. Оборванная одежда не по росту болталась много раз залатанными лохмотьями, обнажая натянутые как веревки мышцы. На вбитом в стену крюке висел

тусклый, чадящий нефтью фонарь.

Когда-то здесь было дно древнего океана, и над головой вместо камней и пластов угля проплывали огромные зубастые рыбы. Их скелеты, а также причудливые окаменевшие раковины и отпечатки водорослей часто находили в трещинах окружающих долину скал, выступающие ребра которых поросли густыми сосновыми лесами и папоротником. Горы укрывают от ветра, но они же крадут солнце, стоит ему лишь немного качнуться в сторону от зенита.

Сама долина Яттерланд, насколько хватает глаз, простирается вдоль русла полноводной в низовьях Ойи, сжатая с боков островерхими пиками медленно оседающих гор. Зелень лесов, теряясь в голубой дымке, превращает ее в подобие гигантской нарядной лодки, невидимые гребцы которой месят ветрами-веслами ленивые тучи и срывают снега с вершин.

У истоков Ойи высоко в горах огромным серым языком со склонов сползает ледник Фрохх, питающий реку своей прозрачной холодной кровью. Вода перемешивается с песком и в низине, чуть мутноватая, наскоро подогретая солнцем, крутит ряды мельничных колес, гонит рыбачьи лодки и дает жизнь узким полоскам полей вдоль берега.

Ночью там и тут по сторонам серебристой ленты, взбираясь на склоны среди лесов, светятся огоньки деревень, лениво перекликающихся собачьим лаем. Земля отдает себя небу, и долина засыпает, проваливаясь во тьму, как в неве-

сомую скомканную перину.

Одд снова и снова ударял по камню.

Где-то там, недостижимо далеко, за толщей холодного влажного камня находится большой теплый дом, выходящий крыльцом в старый яблоневый сад… Там его, наверное, еще ждут.

В каком-то смысле Одду повезло, если отринуть сам факт того, что оказаться здесь – это уже совсем не здорово: он успел доучиться до четвертого класса школы, прежде чем попасть в лапы к оркам, и знал о мире гораздо больше, чем младшие ребята, так же, как он, брошенные в мрачные шахты под Свиной горой. Гора эта, покатая, изрезанная ручьями, наваливалась на долину справа, как жирный, поросший щетиной свиной бок, откуда и получила свое название. Именно с ней были связаны самые страшные сказки и самые печальные истории. Мрачные леса проклятой горы заросли непроходимой чащей, и ни одной человеческой тропы не вилось там меж свисающих до земли ветвей.

Одд снова ударил в камень. Тот отозвался глухим скрежетом. Несколько обломков с плеском свалилось в воду у ног мальчика.

Школа… Одд на секунду закрыл глаза, пытаясь яснее ее представить. Школа долины Яттерланд располагалась в большом двухэтажном доме с покатыми крышами, в самой большой деревне, которая так и называлась – Широкая. Жители долины вообще не утруждали себя сложными названия-

ми: в Овцах разводили овец, в Бревнах заготавливали лес, в Мельницах – мололи муку, в Грядках – огородничали, в Сетях – рыбачили и так далее. В Стрелах, откуда был родом Одд, жили в основном охотники и собиратели трав.

Все деревни, кроме совсем уж малюсеньких поселений в лесных чащобах, располагались недалеко друг от друга вдоль реки. Дети из них пешком, на понурых жилистых осликах или в лодках стекались утром в Широкую, словно ручейки, заполняя гомоном школу.

В теплое время года уроки проходили под деревьями во дворе, и классы часто смешивались, сбиваясь в кучки там, где интересней. Учителя же в основном приезжали из далеких краев и жили в долине по нескольку месяцев, за исключением директора и еще трех-четырех, обосновавшихся в долине со своими семьями. Их дома, расположенные рядом со школой, так и называли – Учительская.

– Куда едешь, Скрагг? – спрашивал встречного товарищ.

– В Учительскую. Опять мой напортачил! Подрался, что ли… Вольно ж ему, остолопу, кулаками махать! Жениться пора, а в башке, как у земляной жабы в закромах, – пусто! А мне катайся туда сюда, – отвечал сердитый отец, вызванный директором в школу.

Все бы ничего. Но над жителями Яттерланда извечно висела беда. Ею были живущие под Свиной горой орки, которые с незапамятных времен досаждали, устраивая вылазки по окраинам. Могли напасть на человека в лесу. Увести скот

с лугов. Разорить пасеку. Но самым ужасным было то, что орки похищали детей, утаскивая их в свои глубокие норы, откуда не было возврата.

Впрочем, взрослые пропадали редко. Если только кто из охотников забредет в одиночку слишком далеко в лес. Или неосторожный рыбак заснет на берегу в безлюдном месте. Тогда могут напасть гуртом, убить и съесть неосторожного путника. Детям же строго-настрого запрещалось ходить по диким склонам с их расщелинами и логовами среди корневищ, в которых таились орки.

Иногда – очень редко – дети возвращались домой. Но они уже были не такими, как прежде… Одд это хорошо знал. Знал то, что очень скоро в подземельях они совершенно дичали и почти переставали говорить, кроме нескольких простых слов вроде «есть», «пить» и «дай». Иные забывали даже свое имя, откликаясь лишь на крики охранников-орков и звон железяки, в которую те колотили, созывая детей на ужин. В шахтах под Свиной горой кормили всего один раз – перед сном. Мальчики быстро превращались в безмолвные тощие тени, которым уже не покинуть подземелий. Даже говорить с ними было не о чем. Первое время они постоянно плакали, а потом замыкались в себе и молчали, глядя с испугом голодными огромными глазами. Лишь дрались за еду и удобное место для ночлега. Да и орки били плеткой всех, кто разговаривал меж собой.

И в этом Одд сильно отличался от других: он не одичал

и не превратился в запуганного зверька. Сколько он себя помнил, он плакал только один раз – когда погиб его отец и пропал старший брат Гладд, которому едва исполнилось семь. Они возвращались тогда с рыбалки – их отец охотник Дарр, Гладд и соседский мальчик, имени которого он не помнил. Пастух Овец видел их у самой деревни, но не успел помочь: когда старик добежал, больше опираясь на рогатину, чем угрожая ей, было уже поздно. Бывалый охотник погиб, сражаясь с толпой высыпавших из-за камней орков. Одда же подземные твари камнем ударили по затылку и бросили, предоставив судьбе, – наверное, в свои четыре он показался им слишком маленьким для работы в шахтах. Или они просто забыли про него, лежащего в траве у дороги. Да и не до этого им было: почти все напавшие на них твари остались валяться тут же, перебитые силачом Дарром. Но их было слишком много для одного воина.

Одд закрывал глаза и как наяву видел своего огромного отца, размахивающего дубиной. Дальше была темнота.

Кирка в его руках не переставая ломала камень.

Теперь уже Одду, наверно, все тринадцать, два из которых он провел глубоко под землей с киркой и фонарем, добывая цветные камешки для ненавистных хозяев подземных нор. Два… А может быть, и три года или целую вечность – потому что он точно не знал, сколько на самом деле времени прошло с тех пор. Кажется, дважды их по нескольку недель кормили кашей из грибов-вонючек, которые собирают в низинах осе-

нью. Если их не вымочить хорошенько в рассоле, то в рот не взять. Но здесь в голодных подземельях вкус не так важен – гораздо важнее количество еды, будь то хоть прокисшие воняющие грибы или каша из древесной коры.

Если он правильно подсчитал, значит, наверху прошли две осени и кончалась морозная снежная зима. Даже самый пасмурный зимний день там наверху казался Одду теперь ярким, как само солнце, и таким желанным…

Мальчик снова ударил киркой и оглянулся.

Слизняк все так же сидел, прилепившись к неровности стены, и рассматривал его темными бусинами глаз на коротких подрагивающих стебельках.

Слизни шпионили здесь за каждым, свешиваясь со стен, потолков и балок, беззвучно передавая информацию по цепочке. Когда кто-то падал без сил, ломал руку или ногу и не мог больше работать, слизняки давали знать остальным, и в шахте появлялись визжащие слюнявые орки, безвозвратно утаскивая мальчика в темноту. Кричать и сопротивляться было бесполезно: ослабевшие маленькие рабы ничего не могли сделать с проворными злыми тварями. К тому же те всегда набрасывались по двое-трое на одного, оглушая и связывая жертву обрывками грязных веревок.

Часто Одду удавалось подслушать безмолвную речь слизняков. Сколько он ни спрашивал других мальчиков, никто их ее больше не слышал. Слова как бы сами собой складывались в голове, словно кто-то сзади нашептывал их тихим

липким голосом. Обычно ничего интересного: тот отвлекся, этот ушиб ногу… Но зато всегда можно было знать, что приближаются орки. Тогда у слизняков начинался настоящий переполох, потому что твари не только использовали их, чтобы шпионить за пленниками, но и запросто ели, проходя мимо. Будто мерзкий комок слизи был яблоком на ветке в саду.

«Наверное, – думал Одд, – орки потому и забирают сюда детей, чтобы меньше кормить и проще расправляться, если что. Толку от нас мало, да, похоже, им больше и не надо – лишь бы кое-как колотили киркой и набирали горсть цветных камешков за миску холодного супа… Я расту и не умираю, и скоро им буду не нужен. Тогда они придут, чтобы покончить со мной». Совсем невеселые мысли, но ведь и место не из веселых.

Со стен и потолка шахты не переставая капала вода, натекая в холодные мутные лужи со скользким дном. Одд столько времени провел по колено в ней, столько раз в нее падал с головой, поскользнувшись на булыжниках, что ненавидел эти лужи почти так же, как самих орков, шпионов слизней и сами унылые подземелья.

Он сжал зубы и снова принялся бить киркой о крошащейся известняк в грязно-коричневых прожилках. Нескончаемая толща камня ему смертельно надоела, но она давно стала его единственным собеседником и казалась более живой, чем слизняк на стене или даже те упавшие духом мальчиш-

ки, с которыми он ночевал бок о бок в холодной узкой пещере-спальне.

В свете тусклой лампы неровности проступали то чьим-нибудь крючконосым лицом, то драконом или собакой, то картой далекой неизвестной страны, в которую он обязательно когда-нибудь попадет. А время от времени случались и просто удивительные находки: панцирь древней черепахи или улыбающийся череп гигантской рыбы с зубами длиной в ладонь. Одна окаменевшая ракушка была острой, как шило, и напоминала охотничий кинжал. Орки тут же отобрали находку, которая могла послужить оружием.

Не переставая стучать о разлетающийся осколками камень, Одд еще и еще раз пересчитывал дни, вспоминал имена и дни рождения своих близких, их лица и все то, что с таким трудом давалось ему на уроках в школе. Когда ничего не шло в голову, особенно помогали стихи и считалки, которые можно было нараспев повторять в темноте часами. Он знал штук десять и отдал бы свой скудный ужин, чтобы кто-нибудь дал ему выучить еще один стишок, пусть даже самый короткий и дурацкий.

Глава 2
Таинственная находка

В сказках, которые рассказывали Одду мать и бабушка, в глубоких пещерах главные герои всегда что-нибудь находили. Обычно сундуки с золотом или какие-нибудь мечи, которыми можно было победить злых чудищ и добраться до сокровища. Ну, или освободить спрятанных в подземных дворцах красавиц…

Самому Одду больше нравился вариант с сокровищами, потому что красавицы его мало интересовали, да к тому же, как он подозревал, с ними всегда бывает слишком много хлопот.

Лилл, что жила по соседству, изводила его с раннего детства, хотя и была, по-видимому, настоящей красавицей: белокурой, тонкой, как стебель, с огромными, вечно распахнутыми зелеными глазами. Определенно, она была красавицей – но лучше было держаться от нее подальше. А вот на золото можно купить дом, лошадей и мельницу! Одд много раз слышал от причитающих вечерами взрослых, как Лилл дружила с Гладдом и как жаль, что все так случилось… Сейчас вся эта история казалась не более чем дымком над гаснущей лампой: секунда, и все бесследно растворилось во тьме.

И еще, в деревенских сказках всегда чему-то учили. Рань-

ше он не понимал этого, а теперь наверняка знал, потому что многое из услышанного помогло ему выжить здесь. Похоже, все эти сундуки с золотом и красавицы были придуманы только для того, чтобы малыш дослушал до конца и запомнил, как не заблудиться в пещере, или как, обмотав проволочку вокруг фитиля, обнаружить подземный газ, чтобы не взорваться на мелкие кусочки. Много чего такого, о чем следовало знать ребенку, оказавшемуся в орочьих норах под горой.

«Просто они знали, что так может случиться, – думал Одд про мать и бабку. – Это знали их матери и бабки много-много поколений назад и готовили меня и других мальчишек, чтобы хоть чем-то нам помочь, когда придут орки, а семья окажется далеко».

Год от года орки приходили все чаще, и не было от них покоя. Иногда они даже копали норы под домами и забирались внутрь, выскакивая из подполья среди ночи, роняя слюни и вереща, как тысяча чертей. Бились со взрослыми, хватали детей и скрывались с добычей под землей так быстро, что соседи не успевали прийти на помощь.

Единственными, кого твари по-настоящему боялись, это больших пастушьих собак, которые их терпеть не могли и бросались в погоню, едва учуяв. В деревне было много собак. Всюду, где жили дети, их на ночь впускали в дом, чтобы охранять от орков. Но и это не всегда помогало: не можешь же ты каждую минуту жизни находиться рядом с этой лох-

матой скамейкой! А когда орки, вооруженные дубинками и ножами, нападали по пять-шесть, то не спасали даже самые верные псы.

Воевать с подземными тварями было трудно. Чтобы воевать, нужно найти, с кем сражаться. А орки выбирались на поверхность лишь на минуту и снова исчезали, протискиваясь в щели и норы. «Как черви среди костей земли», – говорила бабушка Олл. Эта ее фраза всегда пугала Одда больше, чем сам рассказ о жестоких демонах и подземных слепых чудовищах, высасывающих глаза спящих пастухов. «Кости земли» должны были быть чем-то воистину загадочным и жутким. Это звучало как древнее заклятие. Иногда во сне он видел что-то такое, для чего не мог найти слов, и каждый раз просыпался на мокрой подушке с криком ужаса, шепча «кости земли… кости земли».

Размышляя обо всем этом, Одд продолжал работать. Воспоминания и мысли как бы сами собой неслись в его голове цветной лентой, а руки привычно делали свое дело.

Вдруг кирка со звоном врезалась во что-то необычайно твердое, так что в пальцах с болью отдалась дрожь удара. Одд отложил инструмент, потряс рукой в воздухе и поднес лампу к своей находке.

Среди грязно-коричневых пластов камня что-то поблескивало: серебристая полоска там, куда пришелся удар кирки – как глубокий порез на сжатом увесистом кулаке.

Мальчик прикоснулся к необычному предмету, торчаще-

му из развороченного известняка, и потер его, освобождая от грязи. Слои камня легко отходили от гладкой поверхности. Он потянул предмет на себя, но совершенно бесполезно: тот крепко врос в толщу и не поддавался.

Одд старался поменьше говорить вслух: из-за слизняков-шпионов, что были повсюду. Каждое слово мгновенно становилось известно оркам, а мальчик предпочитал не привлекать к себе их внимания. Но тут не сдержался от удивления:

– Это же дно древнего океана… – прошептал он над дрожащем огоньком лампы. – Штука упала в воду в незапамятные времена и осталась лежать на тысячелетия. Кто же мог ее уронить… тогда?

Одд обернулся и осветил сходящиеся воронкой стены за спиной: теперь уже два слизняка безучастно смотрели на него с выступов влажных камней. Один чуть пошевелился и медленно отполз в тень за деревянную балку.

«Он нашел… он нашел… – вдруг пронеслось в голове Одда чужими хлюпающими голосами. – Нашел… нашел… сюда… идите… убейте…» – повторяли слизняки на камнях.

Сердце Одда, казалось, на миг остановилось, покрывшись льдом. Он понял, что теперь у него совсем мало времени, и начал быстро оббивать камень вокруг своей находки.

«Во что бы то ни стало я должен увидеть, что это такое! Что я нашел тут в глубине – прежде чем они придут и утащат меня в темноту!» – решил он, что есть силы работая киркой.

Эхо от ударов громко разносилось в темноте за его спиной.

Все мысли покинули его, кроме одной: добраться до своей находки – вопреки всему – кошмарам из темноты, одиночеству, холоду! Ни секунды не думать ни о каких бегущих сюда тварях! Не подпускать к себе страх! Бить проклятый камень, пока они не пришли, – и будь что будет!

Его руки гудели от напряжения, а спина покрылась потом. Воздух вокруг звенел, наполнившись забытым бодрящим запахом, – так пахнет в саду в прохладный весенний вечер после грозы. Сумрак рассекли тонкие фиолетовые спирали. Не было времени разбираться, кажется это ему или происходит на самом деле. Впервые за долгое время Одд почувствовал, как его грудь расправляется, наполняясь силой, а ноги готовы бежать без устали хоть до края мира…

Очень скоро кирка выломала большой кусок крошащегося, как труха, камня, и к ногам мальчика в очистившуюся от мути воду упал тяжелый металлический предмет, похожий на булаву. Одд бросил кирку, упал на колени и выхватил его из воды. Уже наплевав на слизняков, орков и страх, он принялся вертеть в руках и рассматривать удивительную вещь, которой тут просто не могло быть.

Булава была тяжелой и настолько холодной, что металл сразу покрылся пленкой белого инея. Одд поднес ее к огоньку тусклой горняцкой лампы. Огонек, сочащийся с фитиля, защелкал вблизи находки и подрос вчетверо, вытянувшись в яркую зеленую струйку света. Все, что происходило сейчас,

было удивительным и неправдоподобным, как во сне. Время казалось почти застывшим, а все чувства обострились. Казалось, достаточно хорошенько прислушаться, и услышишь, как медленно оседают горы.

Вся рукоять булавы была разделена на множество тонких дисков и испещрена знаками – квадратами и треугольниками, сплетающимися в едва различимые цепочки. На вид она была абсолютно целой, и только у одного диска не хватало точно половины, словно кто-то вынул ее, отломив по линейке. Одд легонько ударил булавой о черенок кирки, и из щели на ладонь высыпался мелкий коричневый песок, пахнущий застоялой водой.

Сзади в темноте послышался топот, а в голове снова раздавалась тихое хлюпанье слизняков: «Здесь… здесь… идите… убейте».

Готовность к битве пронзила его словно искра. На мгновение Одду показалось, что это уже не сам он стоит по голень в ледяной воде, грязный и одетый в лохмотья, но другой, новый и сильный человек, всегда скрывавшийся где-то глубоко внутри.

Рукоять уверенно легла в руки, и Одд почувствовал небывалый прилив сил. Он повернулся, держа оледенелую булаву как свое верное оружие, готовый нанести удар по любой твари, которая выпрыгнет на него из темноты.

Мальчик понимал, что орки нападут толпой, и ему вряд ли удастся долго размахивать булавой – но тот из них, кто ока-

жется самым быстрым, об этом очень сильно пожалеет. Годы работы в шахте научили Одда точно и сильно бить по камню. Голова орка ведь не прочнее камня, так? Значит, первому из них крупно не повезет сегодня!

* * *

В узком проходе мелькнули тени. Кто-то с плеском пробежал по натекшей с потолка луже. В зеленом свете ожившей лампы блеснули сощуренные глаза с роговыми выростами вместо бровей. Затем еще и еще за спиной несущейся на Одда твари.

Мальчик глубоко вдохнул и замахнулся сплеча, округлив спину. Все мысли исчезли из его головы, кроме одной: «Стоять до смерти!»

Орков было не меньше четырех. По крайней мере, столько он разглядел за долю секунды перед ударом. Впереди, пригнувшись, двигался самый крупный – на голову выше мальчика и гораздо шире него. Видимо, Одда считали важной птицей и за ним послали охранника посильнее. Трое других были заметно мельче и тощими, как болотный тритон, – такие обычно слонялись туда-сюда в подземельях, роняя слюни и размахивая плетками над головами пленников.

На мгновение большой орк в ржавом дырявом шлеме и грязной набедренной повязке остановился, а потом взвыл, оскалившись, протянул лапы к лицу Одда и бросился на

него.

В эту секунду Одд перехватил булаву поудобнее для удара и нечаянно провернул пальцами один из дисков на рукояти…

Пещера взорвалась ярким светом и исчезла.

Какое-то время перед глазами Одда был только этот ослепительный свет, грозящий разорвать голову на куски. И тишина. Абсолютная. Мягкая, как войлок.

Потом перед глазами медленно проступили плавающие размытые тени. Еще немногим после воздух наполнился уханьем совы и резким запахом ночного мокрого луга.

Одд стоял на лесной поляне, пригнувшись и готовый к удару, который, как оказалось, так и не успел нанести своему врагу. Над верхушками деревьев бледная луна тревожно ощупывало небо.

Прямо перед мальчиком вытянулся, словно застывший в прыжке, орк в дырявом шлеме – тот самый, что секунду или вечность назад бросился на него в шахте. Лапы с когтистыми пальцами твари тянулись к его лицу.

Одд сжался в комок, уперся ногами в землю и не стал ждать, пока орк придет в себя, – он закричал и со всего маха ударил его тяжелой булавой по виску, пока тот не кинулся на него. Ржавый шлем отлетел далеко в сторону, а грязное мешковатое тело рухнуло в густую траву… Он ведь предупреждал, что первому, кто приблизится, сильно не повезет!

Глава 3
Далеко когда-то

Все произошедшее полностью лишило Одда сил. Он опустился на траву, где стоял, и провалился в глубокое тревожное забытье, очнувшись только глубокой ночью от холода и оттого, что кто-то назойливо чирикал возле уха. Прямо над ним на конце склоненного колоска устроился громадный кузнечик, издавая свою зубодробительную песню, которая может вдохновить только таких же голенастых скакунов, как он.

Выше раскинулся бескрайний купол черного неба с проседью, и мальчик в первые секунды даже подумал, что вновь оказался под землей. Но его лицо обдувал свежий ветерок, а вокруг шумел, шелестел, посвистывал и кудахтал ночной лес. Травами и цветами пахло так, что в голове взрывались фонтаны искр.

Нет больше никакой шахты! Осталась позади, где-то там, куда нет возврата!

Одд перевернулся на бок, подтянув колени к животу, и представил себя дома, лежащим в кровати под одеялом из утиного пуха. Еще чуть-чуть, и сквозь приоткрытую дверь спальни послышатся неразборчивые голоса родных – отца, матери, бабушек, устроивших чаепитие после долгого дня,

когда все дела переделаны, а дети легли спать. Гладд беспокойно ворочается в постели и что-то бормочет, расталкивая подушки: никак не может заснуть. Наконец его терпение лопнуло: одна из подушек летит прямо в голову Одду, притихшему, вслушивающемуся в дыхание большого дома, ждущему, что брат вот-вот начнет веселую полуночную возню. Потом на шум игры придет мать или одна из бабушек, а может, и отец (что, конечно, гораздо хуже) неожиданно распахнет дверь и рявкнет на сыновей густым басом. Он-то, наверное, даже не понимает, что сам является частью игры, в которой взрослые – страшные чудовища, а они с братом – ловкачи-разбойники, водящие всех за нос…

Полежав еще немного в мягких объятиях травы, он понял, что чертовски голоден, но еще больше мучается от жажды. Воды просило все его тело. Ему хотелось сейчас броситься в холодное озеро, напиться из него и плыть, плыть куда-то, не различая берега, пока не оставят силы и он, перевернувшись на спину, не повиснет в колышущейся прохладе, глядя в ночное небо…

Одд сделал над собой усилие, вспомнил про свою находку и нашарил ее холодную рукоять подле ноги, встал, справившись с головокружением и сделал шаг – и тут же наткнулся на мертвого орка. Отвратительная тварь, продолжая скалиться, валялась, растянувшись в траве. Рядом с ней лежал смятый от удара ржавый шлем.

Одду стало противно оставаться здесь, и он бросился с

холма в сторону ближайшей лесной прогалины, надеясь поскорее выйти к ручью или озеру. Ему хотелось убраться подальше ото всей этой истории, отдохнуть и набраться сил в безопасном месте.

Повсюду, насколько хватало глаз, его обступал густой лес. Травы, по которым бежал мальчик, были высокими и сочными. То и дело из них вспархивала напуганная куропатка или, высоко подпрыгивая на сильных лапах, убегал серый ушастый заяц.

Бежать вниз вдоль пологого склона было легко, и вскоре Одд заметил впереди блеск небольшого лесного озера. Выйдя к нему, он сбросил свою оборванную одежду, пошатываясь, пробрался сквозь камыш на открытое место, а потом долго плескался и фыркал в прохладной воде, пока не начал дрожать от холода. Как обычно, выходить из воды оказалось еще холоднее, чем сидеть в ней по шею, стараясь не шевелиться. Но и встретить утро, подобно лягушке среди прибрежных кувшинок, было бы уже слишком.

Одд выбрался, скользя на илистом дне, затем выстирал как мог штаны и рубаху, развешал их на кустах и сам устроился рядом на траве, прижав колени к груди от холода. Все равно сидеть и дрожать вот так на свободе было несравненно лучше, чем засыпать в подземелье рядом с десятком таких же, как он, измученных оборванцев под крики и сопенье орков.

Вода у берега нежно плескалась, нагоняя дремоту, и маль-

чик уже не понимал, что видел на самом деле, а что ему явилось сквозь сон.

* * *

Сзади раздался хруст ломаемой ветки и шум птичьих крыльев: ночевавшая в траве куропатка в панике взмыла вверх, высказав все, что думает по поводу дурацких ночных прогулок. Одд, уже было заснувший, вздрогнул и подскочил, хватая свое оружие. Булава была холодной, но уже не такой обжигающе-ледяной, как в шахте.

Совсем рядом за кустами под раскидистым молодым дубком стояли три коренастые фигуры. У одной в левой руке был факел, а в правой что-то вроде короткого копья с широким каменным наконечником. Остальные поигрывали увесистыми дубинами, переминаясь с ноги на ногу. Все трое безмолвно смотрели на Одда, переглядываясь между собой. Тот, что был с факелом, что-то сказал другим. Его голос больше напоминал грубый лай, чем привычную человеческую речь. Второй, стоявший в тени, ответил ему тем же, пожав широкими голыми плечами, – жест, во все времена и у всех племен означавший одно и то же: мол, кто его знает? Третий молча склонил голову набок и шмыгнул носом, рассматривая мальчика.

– Агр-рах! – пророкотал первый, подняв копье.

– Агр-рах?! – повторил он.

Похоже, это был вопрос. С интонациями у пришельцев было не очень. Такие взлохмаченные дикари, поди, и колыбельную ревут, как боевой клич.

Одд медленно поднял левую руку, растопырив пальцы в знак приветствия, но не выпуская тяжелую булаву из правой.

«Интересно, кому *не* повезет в этот раз?» – подумал он, не став развивать тему.

Между тем трое пришельцев, кажется, теряли терпение и что-то ворчали между собой. Недалеко позади них меж стволов прибрежной рощи появилось еще несколько факелов, которые быстро приближались. На свет тут же начали слетаться полчища мотылей, за которыми сновали барахтающиеся в воздухе, как брошенная тряпица, летучие мыши.

Одду оставалось только ждать, как будут развиваться события. Или… Что произошло тогда в шахте? Он как мог сконцентрировался, пытаясь вспомнить мгновения перед странной вспышкой. Кажется, тогда что-то щелкнуло в булаве… он сжал пальцы и… немного провернул диски, перехватывая ее в ладони. Если повторить этот фокус, то, быть может, он снова спасет ему жизнь… Или отбросит в орочьи подземелья, из которых он таким чудесным образом спасся. Перспектива снова оказаться в плену у орков заставила Одда ослабить хватку. Проверять, что из этого может выйти, тем более стоя вот так – голодным, замерзшим и без одежды перед дюжиной коренастых дикарей в шкурах – совершенно не хотелось. Но от уверенности в том, что в случае чего

крайний выход есть, стало заметно легче. Впрочем, Одду бы еще значительно полегчало, если бы на нем сейчас были надеты штаны, желательно сухие, но сошли бы абсолютно любые, хоть мокрые и в зеленый цветочек.

Когда к тем троим подошли остальные, на спине у одного из них, тощего и высокого, Одд увидел болтающегося вниз головой убитого им орка. Дикарь тащил его, как охотник дичь, связав ноги веревкой у щиколоток. Грязные ступни с задубевшей кожей в лунном свете казались гигантскими лягушачьими лапами. Бабушка Олл по осени готовила из таких отвар от кашля, засушивая лягушек на чердаке. Полезными она считала исключительно те, что ловила в особый день в самом начале лета. Поход за лягушками был одним из самых впечатляющих занятий в семье, приводивший малышню в полный восторг. Что об этом думали сами лягушки, осталось невысказанным.

Одд тут же воспользовался этим и, гордо выставив булаву в сторону орка (хотя выглядеть гордо замерзшему тощему мальчишке довольно сложно), прокричал как можно более грозно:

– Орк! Я убил! Мое имя Одд! – он похлопал левой ладонью себя по груди и еще раз для убедительности потряс в воздухе оружием. – Одд!

Пришельцы, у большей части которых была густая спутанная борода, переглянулись и снова что-то проворчали между собой. Те, что были без бород, выглядели значительно млад-

ше – примерно как сам Одд или около того, только намного крепче.

– Орк?! – прорычал тот, что стоял ближе. – Орк?! Ыдд?

– Да, да! Орк! Я убил орка! Я, Одд! Вот этим! – Одд снова похлопал себя по груди и показал булаву.

Звук от этих хлопков был, будто кто-то бросает тряпкой о мокрую стену. Совершенно не воинственный звук. Но демонстрация подействовала. Взлохмаченные пришельцы в шкурах пророкотали что-то, и ближайший, который был, очевидно, их вожаком, сделал приглашающий жест рукой. В его ладонь могла поместиться голова Одда, а мышц хватило бы на десяток таких, как он, хотя ростом тот был ненамного выше мальчика.

На всякий случай Одд еще раз хлопнул себя по груди, собрал одежду и двинулся с остальными. Всю дорогу то тут, то там звучало одобрительное «Ыдд!» и косматые люди кивали в его сторону.

Глава 4
Племя Хум

Они долго поднимались по склону большого пологого холма, поросшего лесом, пока не вышли на ровную, голую, как лоб, площадку, нависающую над обрывом. С одной ее стороны был освещенный костром вход в пещеру и несколько крытых шкурами хижин, а с другой – огромная чаша долины, наполненная темнотой и подсвеченная по краям поднимающимся из-за скал солнцем. Такого величественного зрелища Одд не видел никогда в жизни. Оглядевшись кругом, он узнал пики горных вершин слева и пологую тушу Свиной горы правее. В центре тусклым серебром отсвечивала широкая лента Ойи, разрезающая местность на две половины, как гигантский пирог.

Перед ним, несомненно, была долина Яттерланд, только сильно заросшая лесом, лишенная полей, деревень с их дымами, огоньками окон и собачьим лаем. Вместо этого предрассветную темноту наполняли терпкие запахи каких-то ночных растений и крики бесчисленной невидимой живности, встречающей первые лучи солнца.

Кое-что еще было по-другому. Например, далеко слева находилось большое зеркальное озеро, из которого в Ойю тянулся блестящий извилистый приток. Скалы вокруг были

как будто круче, а их вершины густо-белыми от снега, хотя, очевидно, стояло лето или ранняя осень. Да и сама река, берег которой был излюбленным местом игры деревенских детей, теперь казалась полноводнее и шире. В общем, долина выглядела совершенно дикой, такой же, как его новые знакомые.

Навстречу пришедшим поднялись двое часовых, таких же коренастых, вооруженных огромными дубинами, сидевших до этого у костра спиной ко входу в пещеру, завешанному бычьими шкурами.

Двое дикарей, тащившие на перекладине тушу большого самца-оленя, устало сели прямо на камни. Тот, что нес на спине орка, сбросил его у входа в пещеру, огласив окрестности горловым криком. Его товарищи почему-то рассмеялись и затопали босыми ногами. Даже вождь расплылся в улыбке, показав всем крупные желтые зубы. Все его лицо было покрыто черными волосами, оставлявшими на виду только глаза и толстые подвижные губы. Брови пересекало несколько глубоких шрамов. Такие же рубцы украшали его голые плечи и мощные руки с толстыми короткими пальцами. Судя по виду, это был грозный, опытный воин.

Из пещеры и громоздких, как амбары, хижин, разбуженные голосами, начали выбираться люди. Судя по их числу, спали они вповалку целыми семьями. Взрослые, такие же коренастые с всклокоченными волосами, зевали, протирали глаза и поеживались от утренней прохлады, встречая вер-

нувшихся с добычей охотников одобрительным бормотанием.

Первым к орку подбежал маленький кривоногий карапуз и, размахивая палкой, начал прыгать вокруг поверженного врага. Взрослые одобрительно бубнили. Среди них были бородатые густо татуированные мужчины, женщины в войлочных юбках, множество ребятишек и весьма колоритный старик с пучком седых волос на макушке и ожерельем из птичьих лапок.

Судя по всему, они не впервые видели орка и не скрывали радости по поводу постигшей его судьбы. Один из воинов поднял его скрюченную руку, будто измеряя в длину, одобрительно кивнул и пробасил что-то вождю. Тот махнул рукой в сторону Одда, добавив «ыдд». Его голос звучал как несмазанный колодезный ворот.

Шаркая по камням, к Одду подошел украшенный ожерельем старик, подслеповато посмотрел на мальчика, цыкнул единственным зубом и широко улыбнулся… Лучше бы он этого не делал: более смешного зрелища Одд за всю жизнь не видел, так что не вытерпел и рассмеялся, со звоном уронив булаву себе под ноги. Похоже, это стало сигналом для остальных, потому что все начали смеяться и хлопать его по спине с такой силой, что едва не сбили с ног, одобрительно рыча «ыдд гык орк!».

Вскоре все угомонились. Трое дикарей начали ловко разделывать оленью тушу каменными ножами, а старая жен-

щина с красными волосами тут же принялась раскладывать куски мяса у костра для прожарки. Чувствовалось всеобщее возбуждение. Все внимание теперь было приковано к этой женщине. Племя ждало ее сигнала, приготовившись к плотному завтраку, служившему, как догадался Одд, еще и обедом с ужином.

Одда мутило от голода, и запах свежего жареного мяса буквально сводил с ума. Как только все было готово, он вцепился в едва обожженный на кусок оленины и почувствовал себя совершенно счастливым.

Очень скоро мальчик уже спал под охраной грозного племени, зарывшись в теплые шкуры, крепко сжимая булаву в руках и не видя снов.

Глава 5
Раненый охотник

Больше полугода Одд прожил с племенем пещерных людей на широком уступе горы, которую местные называли «Ых». Очень похоже назывались все горы в округе, но «Ых» произносили громче всего, и сразу становилось понятно, о какой горе идет речь.

Поселение находилось на ровном пологом склоне, с которого открывался потрясающий вид на долину. Красивее и удобнее места, наверное, тут было не найти, хотя на такой высоте постоянно гулял ветер, вечерами пробиравший до костей. Не удивительно, что племя поклонялось горному орлу – для кабанов и медведей оно обосновалось высоковато. На краю селения в маленькую заводь с горы стекал прозрачный ручей, из которого они брали воду. Каждые несколько дней группа охотников спускалась вниз, в густые вечнозеленые леса, и каждый раз под утро следующего дня возвращалась с добычей.

Кроме хижин у входа в пещеру были устроены навесы для защиты людей и всякого добра от непогоды. Одд ожидал обнаружить там хлев или курятник, но ни животных, ни птицу дикари не держали, охотясь в лесу и на лугах долины. Изредка и не очень удачно они рыбачили на близлежащем при-

токе Ойи, вылавливая щук и сомов. Часть мяса засушивали впрок. Рога оленей и кабаньи клыки приносили в жертву какому-то местному божеству, деревянная статуэтка которого, напоминающая грозную птицу с человеческими ногами, хранилась в глубине горы. Чуть ниже за частоколом был разбит маленький огород с морковью. Ничего, кроме тощих оранжевых корнеплодов и сорняков, там не росло. Судя по всему, морковь считалась тут неземным лакомством. Морковная каша с горным медом и травами показалась Одду сомнительной перспективой, но из еловых шишек получилось бы куда хуже.

Одним из навыков, которым Одд поделился с племенем, было искусство рыбачить с помощью большой плетеной корзины, узкое горло которой было завернуто внутрь. В Яттерланде ее назвали «мордой» и устроена она была так просто, что снасть эту, кажется, научились делать все, считая детей, способных расщепить сушеную камышину. Качество, конечно, было разным, но тут уж, как говорится… Теперь не нужно было целыми днями шарить с копьем по ледяным запрудам, чтобы поймать дюжину мелких рыбешек. Рыбы у племени Хум стало хоть отбавляй. Наверное, Одда сделали бы за этот подарок жрецом, если бы он попросил. Но, к счастью, он даже не знал этого слова. За такую великую заслугу мальчика наградили собственной небольшой укрытой шкурами хижиной из молодых елей, что считалось очень и очень почетным.

Гардероб в хижинах представлял собой пересыпанные пахучими листьями кучи грубых курток, набедренных повязок и башмаков из дурно выделенных шкур, которые горбились и были не мягче сосновой коры. Нужное просто вынималось из этой кучи, если удавалось его найти. Многие из нас действуют по такому же принципу, даже имея в распоряжении зеркальный шкаф с резным слоником наверху, и в этом смысле мы не далеко оторвались от древних предков. Поначалу Одд долго мял предложенную ему одежду, чтобы она начала кое-как сгибаться. Ткать племя тоже ничего не умело и довольствовалось грубым войлоком, который скатывали большими деревянными вальками на берегу реки под горой. Из него делали что-то наподобие толстых носков, которые вдевали в башмаки для тепла, и подкладки для курток.

В общем, если не считать отсутствия скота и птицы и принять в зачет примитивный маленький огород, селение выглядело как самая обычная горная деревня. Еще бы чуть побольше штанов на жителях… Но это уже дело вкуса. Для «давным-давно назад во времени» – самый раз.

В пещере жило не больше дюжины человек и хранилось самое ценное: оружие для охоты, снасти, пучки сушеных целебных травок, запах которых кружил голову. Там же в открытом каменном очаге неугасимо горел огонь, у которого обычно сидел старик Чарг. Сощуренные глаза на его закопченном морщинистом лице оставляли лишь узкие щелки для лукавого взгляда мутно-серых глаз. Если он сидел у костра,

а не ковылял между хижин со своим посохом, толком невозможно было сказать, сердится он, насмехается над тобой или вообще спит, мерно покачиваясь в дыму. Как понял Одд, это был старейшина племени, родившийся так давно, что сам не знал, сколько ему лет. «Много», – ответил он на вопрос любопытного Одда, нисколько не прояснив ситуацию: дело в том, что у дикарей «много» начиналось сразу после десяти. Считать дальше просто не было необходимости.

Племя Хум, которое приняло Одда, было не единственным в тогда еще безымянной долине. Почему у нее не было названия? Наверное, потому, что она просто была *вокруг,* и не имело никакого смысла называть ее как-то: ведь дикари не знали другой долины. Они просто жили здесь, и все дела.

Кое-где на склонах гор и в низине в темную ночь, когда ветер разгонял туман, виднелись еще несколько огоньков. Там стояли другие племена. Одно из них было кочевым и круглый год бродило туда-сюда по чащам, собирая пропитание в лесу. Другое жило на берегу далекого озера, в котором отражалось солнце на восходе. Только один раз мальчик видел их – низкорослых, худых и жилистых. Они носили смешные плоские шляпы и хитро поглядывали вокруг узкими, словно прищуренными глазами.

Не раз в ущельях им встречались и орки – совершенно голые, тощие, как голодный сурок, и еще более отвратительные чем те, с которыми пришлось иметь дело Одду. Они не подходили ближе расстояния для броска камня. Нужно ска-

зать, люди Хум бросали камни как надо – далеко и на удивление точно. Так что подземные твари только глазели на них из-за утесов, кривляясь и что-то визгливо выкрикивая, но не решаясь приблизиться.

Одд как мог вел календарь, начертив его на стене скалы углем, и приучил дикарей считать дни. Он слышал от учителя в школе, что календарь придумали земледельцы, чтобы знать, когда сеять зерно. Дикари ничего не сеяли, кроме моркови. Но мальчик надеялся, что когда-нибудь в будущем они начнут, и тогда он им непременно пригодится. Но сейчас мы хотим услышать не об этом…

* * *

В тот день погода стояла ни к черту. То из-за облаков на минуту выскакивало яркое солнце, заставляя сбрасывать тяжелые верхние шубы, снимать и надевать которые само по себе было подвигом, не говоря уже о том, чтобы в них двигаться. То вдруг налетал ледяной ветер, пробирал до костей, а лицо жалил мелкий колючий снег, и не было от него спасения. То ли осень, то ли уже зима. Лес стоял еще совсем зеленый и мало отличался от летнего, кроме покрасневшей листвы на кустах и отсутствия вездесущей болотной мошкары. С этим легко было смириться, но вот предстоящие холода, которые придется проводить в тесной пещере или на открытом воздухе, борясь с неподатливой одеждой, немало

озадачивали Одда.

К вечеру погода более или менее устоялась, и ранний закат затопил долину своим розовым щедрым золотом. Все племя, не считая группы охотников, отправившихся с вечера в низину, расположилось у костра.

Мрачный, молчаливый Кыгр Воловьи Ноздри притащил к огню столько охапок хвороста, что можно было топить ими всю зиму, и сам неуклюже полусидел, полулежал на них, как циклоп – хозяин горы из сказки. Видимо, он очень гордился своим делом – добывать дрова и смотреть за огнем – к которому был как нельзя лучше приспособлен. Не удивительно, что Кыгр был любимчиком старика, который больше чем на полчаса не отходил от огня, тут же начиная мерзнуть и кутаться в ветхую лисью шубку. Большой и фантастически сильный, медлительный, способный затащить на скалу в одиночку целый еловый ствол и в то же время смирный и тихий, он часто неподвижно сидел у костра рядом со стариком, глядя куда-то далеко поверх пламени. Только один раз Одд видел, как он разговаривает с кем-то: низким громовым голосом гигант рассказывал маленьким еще безымянным близнецам из семьи Чем Гусиная Лапа какую-то историю, от которой оба звонко смеялись.

Книги еще не изобрели, так что вечерние рассказы имели в племени оглушительный успех не только у детей, но и у взрослых. Впрочем, взрослым Кыгр никогда ничего не рассказывал.

Обычно этим занимались двое: древний, как земля, перемноженная на небо, Чарг, скрипя словами и шепелявя единственным зубом, или вертлявый разговорчивый Гумс Перья В.

Когда рассказывал старик, все внимательно слушали и уважительно кивали, подгоняя ход истории вежливым покашливанием, когда тот засыпал на полуслове. Он был уважаемым старейшиной, главой рода Орлиный Коготь – одной из пяти больших семей. Искусным лекарем и знатоком леса. И рассказы у него были сплошь поучительные и важные.

Когда же рассказывал Гумс, все смеялись до рези в животе. Тощий и смешной, он был сыном Сааки, приготовительницы пива, знавшей его великий и ужасный секрет. Вся хижина, в которой жила семья Перья В, была увешана пучками травы и мешочками с тайными ингредиентами. Раздувшиеся шарами бурдюки с брагой были устроены поодаль от главной пещеры в густо укрытой лапником нише скалы, где для тепла всегда тлели на полу угли. От этого бурдюки и стены были густо закопченными, а само пиво имело привкус горелых грибов. Неприметный и какой-то скрюченный отец, а также младший брат Гумса, как две капли похожий на отца, вечно таскались с этими черными от сажи пузырями, выполняя грязную работу. У обоих был немного ошалелый вид и глаза слезились от дыма, а сами они были мрачны как туча и неразговорчивы. Короче, полная противоположность старшему сыну, наотрез отказавшемуся продолжать семей-

ное ремесло. Возможно, думал Одд, когда-то Сааки недоглядела, и маленький Гумс хорошенько набрался из оставленного без присмотра бурдюка – да так, что хмель до сих пор не выветрился из его головы.

Глядя на кучу тлеющих под пивными пузырями углей, Одд недоумевал, почему такие находчивые люди не додумались коптить на них мясо, высушивая его про запас так, что оно становилось жестким, как сухой корень. Как-то на рассвете он пробрался в пивную пещерку Сааки, зажав нос, и подвесил там на шнурке несколько кусков оленины и большую потрошеную щуку. Через день он дал попробовать получившееся блюдо вождю Хларгу, который пришел в полный восторг. Копченое мясо стало прорывом в кулинарии племени и принесло Одду небывалый авторитет. Старый Чарг надел ему на шею сушеную утиную лапку в знак почета, а вождь подарил копье с костяным наконечником – раза в три легче того, которым орудовал сам, хотя даже этот облегченный экземпляр Одд поднимал с трудом.

Общим решением бурдюки с пивом были перенесены в другое место – гораздо дальше от деревни. Это было весьма разумно, если учесть, что, когда один из них взрывался, не выдержав давления изнутри (а такое случалось, и не редко), еще два дня в округе было невозможно дышать от вони перебродившей ягоды. Толстая и маленькая, как кубышка, Сааки зло смотрела на Одда, но спорить не стала, затаив на него глубокую обиду. А то, что противный мальчишка из чужого

племени, стал другом ее сына, по-видимому, было для нее настоящим ударом. В ее бывшей пивной пещерке, вычистив нагар, устроили коптильню, в которой, по совету Одда, использовали яблоневые угли, придававшие мясу замечательный аромат. Главное теперь было уберечь развешенные на веревках куски, чтобы их сразу же не расхватали, не дав прокоптиться.

Но вернемся к тому самому дню, когда…

Вечером того дня, когда погода менялась, как полет стрижа, историю у костра рассказывал великолепный Гумс Перья В.

Этот прирожденный актер, до первого театра которому предстояло подождать лишь пару тысячелетий, не мог усидеть на месте, наслаждаясь собственным рассказом. Он прыгал, изображая лису, охотящуюся на мышь, строил рожи, ухал, как филин, и даже порывался петь, но уж этого мало кто мог выдержать, и его быстро успокаивали общим свистом. Тогда юноша улыбался во весь рот и продолжал рассказ без песнопений.

Гумс был веселым и добрым, почти таким же тощим, как Одд, лет на пять его старше. Они быстро стали друзьями, что-то сочиняли вместе или рисовали обожженными палками на камнях, когда было нечего делать. Гумс обучил мальчика местному языку и стал бесценным источником информации о том мире, где он оказался – его племенах, обычаях и легендах. Одд же научил его делать дудки из тростника. Это

кое-как примирило музыкальные порывы артиста со вкусами соплеменников, потому что голос у юноши был ужасный, а играл он вполне прилично (во всяком случае, для деревенского оркестра тысячи лет назад).

Вот и сегодня Гумс подыгрывал себе на дудке во время рассказа. На этот раз история была про медведя, напоровшегося на пчел. Обычная, в общем, сказка, которой потешаются все народы.

Дети слушали, затаив дыхание, мужчины предпочитали потягивать пиво с кусками копченой рыбы и говорить о своем, не слишком погружаясь в сюжет, а женщины латали что-то из одежды, сидя вокруг огня и радуясь присмиревшим на время детям.

Гумс как раз накинул на голову медвежью шкуру и зарычал, приведя в полный восторг рассевшихся вокруг карапузов…

Вдруг внизу уже в полной темноте раздался отчаянный крик. Рассказчик замолчал, присев на корточки, словно на него могло упасть небо. Все зрители, разомлевшие у костра, вскочили на ноги, озираясь по сторонам и вслушиваясь в ночь. Крик вскоре повторился, но гораздо слабее. Кто-то тихо сказал:

– Ахым.

Так звали одного из охотников, ушедших вчера в лес. Несколько мужчин без всякой команды молча взяли копья и отправились вниз.

Погода окончательно испортилась. После тихого вечера поднялась буря. Русло ручья обметало серым ледяным кружевом. А все вокруг засыпало тяжелыми влажными хлопьями.

В деревне в ту ночь никто не спал, а костер горел особенно ярко. Часовые расхаживали с дубинами вдоль частокола. Проход в нем загородили огромным сухим пнем, вырванным из земли с корневищем. Мужчины племени толпились снаружи своих жилищ, готовые в любую секунду отразить нападение. Одд находился с ними и едва не отморозил пальцы на ногах, стоя по щиколотку в снегу. В руке он сжимал проверенную в деле булаву, доверяя ей гораздо больше, чем тяжеленному копью с наконечником из расколотой оленьей кости.

Ушедшие на помощь Ахыму вернулись лишь на рассвете. Двое несли раненого, завернутого в шкуры. Его голова, припорошенная снегом, безжизненно моталась на ходу из стороны в сторону. Юношу положили в пещере и раскрыли шкуры. Вся его грудь была в крови, чуть ниже ключицы из нее торчало короткое черное древко стрелы. Охотник был без сознания и только прерывисто с присвистом дышал.

Старик Чарг умело и быстро вынул стрелу с острым каменным наконечником. Кровь остановили какой-то едкой пахучей смолой, рану прижгли и перевязали, подложив целебные листья. Ахым так и не пришел в себя. Он лишь иногда коротко стонал, не открывая глаз, и двигал нижней че-

люстью, словно пытаясь что-то сказать.

Вождь Хларг долго сидел поодаль и внимательно рассматривал извлеченную стрелу в свете костра. Его никто не посмел тревожить. Наконец он подозвал к себе нескольких воинов и пророкотал:

– Яг-зы!

Дети Болотного Змея – так называлось племя, жившее далеко в низине на бескрайних болотах, где и через тысячи лет во времена Одда жители рыбачьих деревень будут отгонять дымом надоедливую расплодившуюся в топях мошкару.

Что произошло там, в долине, было неизвестно, но ранили Ахыма из оружия племени Яг-зы – Детей Болотного Змея, а значит, нужно было что-то предпринимать. Скорее всего, остальные охотники были убиты. Но их могли и взять в плен, чтобы сделать рабами или, Одд похолодел от этой мысли, съесть. Такое он читал в свое время в книжке по истории. Теперь он сам стал частью древней истории, и не сказать чтобы это очень его обрадовало.

Глава 6
Война племен

С угрюмыми лицами мужчины начали собираться в поход. Женщины проверили припасы, пересчитали детей и, как принято в готовых к осаде крепостях, принялись чинить одежду для долгой зимы и заготавливать еще больше травок и мазей от ран.

Гигант Кыгр был извечным защитником пещеры и теперь обходил небольшое плато, на котором расположилось племя, обновляя с помощниками внушительный частокол, который должен был задержать противника на подступах. То и дело раздавались гулкие удары его тяжелой колотушки о вбиваемые меж камней колья толщиной в ногу. Казалось, если его не остановить, то Кыгр переломает весь лес и сокрушит горы. Главное, вовремя кормить его горячей кашей из квашеных папоротников и жареной на костре олениной.

После жители пещеры старательно полили камни вокруг водой, устроив ледяную горку, вскарабкаться по которой снизу было делом нелегким, оставив лишь узкую тропу для входа и выхода. Судя по тому, как спорилась работа, дело подготовки к войне для племени было вполне обычным. Чумазые мальчишки тут же с удвоенной энергией принялись лупить друг друга игрушечными дубинками, которыми

вполне можно было проломить голову лосю.

Гумс рассказал Одду, что Яг-зы жили далеко внизу в окружении непроходимых болот. Из-за этого, объяснил он, «лицо вождя темнее волчьей шкуры». Воевать с ними было очень тяжело, и последний раз они победили племя Хум, заманив воинов в гиблые топи. Много славных охотников осталось там, и племя до сих пор скорбело об их потере.

Было решено выступать в поход на следующее утро. А в долину спустилось три дозора по два быстрых воина, которые должны были предупредить племя, если враг придет первым. Вызвался среди них и Одд, бегавший как ветер, если, конечно, сбросить часть местной неуклюжей одежды. Нужно сказать, в беге дикари были не особенно сильны. Зато были невероятно выносливы и могли пробираться рысцой по лесам и горам очень долго. Если бы пришлось бежать по-настоящему далеко, то они бы вымотали и настигли в конце концов любого из жителей Яттерланда.

Всю ночь Одд с другим молодым воином по имени Суп Уши Где просидели в засаде в развилке кривой трехстволой сосны, крепко державшейся за острый каменный выступ над обрывом. Ледяной ветер не утихал ни на секунду, а видно из-за снега было не дальше двадцати шагов. Время от времени к их дозору приближались стаи волков, жутко завывая на прячущуюся в облаках луну. Один раз они решились забраться на выступ. Обычно волки избегают таких неудобных для охоты каменистых открытых мест, но эти, по-видимо-

му, были слишком голодны для того, чтобы соблюдать правила. Высокий остромордый вожак долго кружил у сосны, рыча и посматривая вверх, где прятались люди. Затем дернул ушами, затих, прислушался к чему-то, что не дано услышать человеку, и бросился вниз, скрывшись в зарослях. За ним черными пятнами в кружащем вихрями снеге исчезли другие. Это были темные времена, а вокруг стояла беспросветная бурная ночь, тьма которой клацала волчьими зубами у самого носа. В такой ночи человек – лишь слабый чужак, пища сильных и быстрых хищников, ее безраздельных хозяев.

Это были самые страшные минуты за всю ночь, казавшуюся бесконечной. Но даже не из-за волков, а из-за того, как быстро стая сбежала прочь. Оба, Одд и Суп, подумали, что приближаются люди племени Яг-зы, спугнувшие или, напротив, заинтересовавшие голодных волков. До боли в глазах они всматривались в темноту, один раз уже готовые бежать и поднять тревогу. Но мимо, ломая ветви, лишь пронесся в облаке пара большой кабан. Он показался Одду размером с лошадь, не меньше. Скоро по склону сквозь снег пролетела преследующая кабана волчья стая – наверное, та самая, что кружила недавно здесь у корней трехстволой сосны. Ночной лес жил своей жизнью, питая одних и убивая других.

Уже под утро Одд заметил пробирающегося меж камней орка. Но тот, похоже, был сам перепуган до полусмерти, потому что, когда на ветку с шумом взгромоздилась сова, он

сбежал, не разбирая дороги, подняв визг, как ушибленная палкой собака.

Все это время Одд не выпускал из рук булаву, готовый нестись с вестью об угрозе к пещере, драться или, если не будет другого выхода, бежать с товарищем в другое время, повернув кольца булавы на удачу. Его пальцы занемели от напряжения и уже не чувствовали холода.

Как устроена загадочная находка и что означают надписи на ней, мальчик не имел ни малейшего представления. Можно было бы поэкспериментировать, но тогда бы наверняка пришлось расстаться с гостеприимным племенем, которое его приютило: надежды, что удастся вернуться точно назад, у Одда не было никакой. Он еще не окреп достаточно для самостоятельного путешествия, так что не стоило рисковать. За время, проведенное в орочьих шахтах, Одд стал худым как спичка и постоянно кашлял, не в силах избавиться от простуды. Приходилось ждать, отложив на время дальнейший путь.

Наконец над долиной забрезжил рассвет. Все они, дозорные и воины, идущие от пещеры, должны были встретиться недалеко от укрытия Одда, чуть ниже по склону, где он провел тревожную холодную ночь.

Вскоре слева внизу показался отряд, вооруженный топорами и копьями. Все воины поверх грубо сшитых шкур были защищены латами из слоев задубевшей лосиной кожи, весившими, наверное, как добрый мешок муки. Если бы Одда

одели в такой наряд, он не поднялся бы с места. Воины же по склону шли так легко и живо, будто выбрались на утреннюю прогулку нагулять аппетит перед завтраком.

Впереди шествовал Хларг. Остальные дозорные уже успели присоединиться к отряду. Было видно, что они замерзли за ночь и приплясывают на ходу, стараясь не отстать от остальных. Скоро к ним присоединились еще двое, и заиндевевших танцоров стало шестеро. Им принесли по большому куску еще теплого жареного мяса, которое пришлось есть на ходу, потому что останавливаться отряд не собирался, похоже, до самых болот.

С удивлением среди воинов Одд обнаружил и своего разговорчивого товарища Гумса, лицо которого напоминало сейчас мордочку упавшей в сугроб куницы, а язык, казалось, присох к небу. Удивительно и невероятно, но тот упорно молчал едва ли не целых полчаса. Одд тепло приветствовал смельчака. Судя по всему, добрые слова – это было единственное доступное тепло на ближайшие дни.

Глава 7
Одно слово: стратегия

Почти полдня они осторожно пробирались сквозь лес, не разводя костров, постоянно готовые к атаке зверей, орков и других племен и всего того, что может напасть – драконов, например, или раздосадованных погодой енотов. После того как Кыгр отловил недалеко от пещеры трехметровую рогатую гадюку, Одд готов был поверить даже в шагающие грибы и хищные мыльные пузыри.

Долина была обширна, и люди разных племен нечасто встречались между собой, даже заходя далеко от родной пещеры во время охоты. По большей части они старались не нарушать неписаных правил и границ, не задирать лишний раз соседей, не портить лесов, не мутить воду в ручьях. Случайные встречи обычно проходили мирно: те и другие просто искали пищу для своих семей, а оленей, грибов и ягод в лесах хватало на всех.

Но бывало, племена дрались между собой по всяким дурацким поводам. Например, потому что один отряд охотников просто многочисленнее другого, и слишком велик соблазн захватить чужие копья, одежду и пленников. Или потому что вожака измучил пяточный грибок, и он сильно раздражен походом, а тут как раз представился случай пока-

зать всяким чужакам свое место в пищевой цепочке. Можете придумать свой вариант – самые нелепые предложения будут также считаться верными…

Яг-зы были исключением даже по меркам древних времен: они беспрерывно воевали со всеми вокруг, занимая что-то вроде большого острова посреди болот, добраться до которого было непростым делом. Место это не из самых красивых, но зато надежно защищено со всех сторон кольцом непроходимых топей. Те, кому все же удавалось их преодолеть, встречались с воинами в масках из черной глины и в большинстве своем уже никогда не возвращались домой. Если бы не склонность приносить человеческие жертвы из числа соплеменников, Дети Болотного Племени, наверное, уже заселили бы всю долину, как черные муравьи. Но воинственная природа и традиции, от которых кровь стыла в жилах, не давали племени достаточно разрастись для того, чтобы покорить древний Яттерланд.

* * *

– Сколько дней идти до деревни Яг-зы?

«Сколько» на языке Хум произносилось как «тар!» (да, восклицательный знак необходим, потому что тихо говорить дикари еще не умели – это ценное приобретение эволюции, если хотите знать!), «деревня» звучала как «му!», а «день»… Впрочем, не будем изнурять себя языком древних поселе-

ний. А еще, говоря с людьми Хум, фразы нужно было строить просто и ясно, а говорить не слишком быстро, иначе твой собеседник мог подумать, что ты разговариваешь сам с собой, просто пожать плечами и очень нехорошо посмотреть.

Ближайший к Одду сутулый и мрачный Угул Весенняя Фиалка, больше похожий на горного тролля с зубной болью, неопределенно махнул рукой, что означало, по-видимому, «долго». Или «очень долго». А может, просто «не знаю» или «не приставай с расспросами на ходу, расскажу потом, если представится случай». Фиалка уж там или нет, но хмурый молчун Угул был собеседником не из самых-самых. Гораздо лучше ему удавалось одним ударом сбивать с копыт молодого лося или таскать камни размером с кабана.

Одд попытал счастья с другим воином – Шестипалым Пхо. Даже под густой бородой и свисающими до щек космами на его лице была видна целая галактика веснушек.

– Далеко идти? Сколько дней?

– День. Ночь. День, – ответил Пхо, моргая огромными рыжими ресницами.

Выглядел он по-настоящему необычно: рыжий, как кленовый лист в октябре, такой широкий и коренастый, что даже могучий Хларг смотрелся рядом с ним поджарым юношей. На обеих руках у него красовалось по шесть пальцев – коротких и толстых, как древесные корни (отличительная черта могучих воинов, между прочим, если вы, конечно, не имеете дело с эльфом). Казалось, он принадлежит какой-то

иной породе людей. В деревне говорили, что Пхо валит кабана-трехлетку одним криком. Легко верилось: когда он начинал петь у костра, даже медведи уходили вниз по реке, чтобы не слышать этого издевательства над добрыми народными песнями о родной хижине и прекрасных девушках Хум. Именно они обычно и прекращали концерт, в шутку кидаясь в певца поленьями. Его возлюбленная Ухва Лунный Свет была… скажем так, отнюдь не миниатюрным созданием. И самые большие поленья в Пхо летели именно от нее. В основном поленья. Но попадались и камни размером с ослиную голову.

Сверху Пхо основательно припорошило снегом, и в своих распушившихся на ветру лисьих шкурах со ста шагов он был неотличим от решившего прогуляться куста калины, если вы можете представить себе такой среди леса, глядящий на вас с широкой бестолковой улыбкой, обнажающей три десятка крупных неровных зубов. По всем представлениям, довольно жуткое зрелище.

– Два дня без малого, – Гумс, язык у которого был подвешен куда лучше, чем у других, перевел Одду скупой ответ Пхо. – Вечером будет болото. Заночуем там. Пойдем по болоту. За ночь дойдем до Яг-зы. Начнем. Вернемся, будет удача.

Одд окинул взглядом свою компанию. Всего тринадцать. Большая часть выглядела весьма внушительно. Впереди, как положено, вождь племени, косматый и суровый Хларг с ко-

пьем и дубиной. Пхо, Угул и другие могучие воины с толстыми шеями, космами на головах и ручищами шириной с лопату. Их нельзя было принять за гуляющих по лесу поэтов даже при сильно разыгравшейся фантазии. Но вот он сам, болтун и балагур Гумс, трясущийся на ветру Суп, так и не отогревшийся после долгой ночи в дозоре… Подспорье в бою то еще. Если воинов Яг-зы будет больше, чем людей Хум, то у последних могут возникнуть бо-о-ольшие проблемы. Коль скоро это они шли к ним, а не наоборот, ожидать, что будет наоборот, не приходилось.

– Сколько воинов у Яг-зы? – спросил Одд у Пхо.

Тот лишь беззаботно пожал плечами, вновь осклабившись. Кажется, никакая драка, хоть с тысячью чертей, не могла волновать Шестипалого или даже заставить задуматься о последствиях. Через тысячу лет очень умные люди в хорошо проветренных удобных кабинетах с гобеленами изобретут слово «стратегия», но пока до этого не дошло. Древним обитателем пещер было чем заняться и без того, чтобы сочинять толстые словари и рисовать стрелки на картах.

– Ясно, что ничего не ясно… – протянул Одд и задумался.

Пхо лишь странно посмотрел на него и снова пожал плечами: мол, не понимаю, о чем ты, тощехвост, но если что и будет – не робей и держись меня. Гораздо проще было обсудить все с Гумсом.

– Случай, Гумс, – Одд толкнул его сзади плечом, тот спо-

ткнулся и чуть не влетел в колючий пожелтевший куст. Какое-то животное с визгом вылетело с другой стороны и умчалось в чащу. – Извини, Гумс. Ты в порядке? – Тот кивнул, стряхнув с головы несколько снежинок. – Знаешь, о чем я думаю? Мы, конечно, сильны, смелы и быстры, как орел, и все такое… Но! Если там, на болотах, будет целая куча этих Яг-зы, гораздо больше, чем нас, то они ведь нас могут побить. Так?

Гумс шмыгнул носом и ничего не ответил, глядя на припорошенную снегом сочно-зеленую траву под ногами. Кажется, лес так и не смирился с тем, что вот так вот сразу настала зима, наперекор холоду наполняя пейзаж то тут, то там сочными красками беспечного лета. Пахло хвоей, грибами, мокрыми папоротниками, в низинах залегали длинные языки легкого утреннего тумана и сверкала роса в паутинах. Пауки, отогреваясь на солнце, сонно переползали с места на место, рассчитывая на щедрый урожай мух. Мухи вились над увешанными ягодой кустами, желая всем паукам на свете немедленно провалиться сквозь землю. Если закрыть глаза, ни за что не скажешь, что все вокруг припорошено еще неуверенным в себе подтаявшим в первых лучах снегом, а ночью зуб на зуб не попадает от ледяного ветра.

– Я не боюсь. Не страх за моей спиной. Я хочу победить.

Идущий рядом Пхо одобрительно кивнул и почесал спину дубинкой. Звук – будто кто-то потер друг о друга двумя кусками коры.

– Короче, если их больше, чем нас – будет трудно. Если меньше, будет легко. Да?

Пхо еще раз кивнул, разделяя умопостроения Одда. Гумс все так же молча семенил рядом, спрятав ладони под мышки и стуча зубами от холода. За его спиной болталась на лямке какое-то непонятное орудие: наполовину дубинка, наполовину невесть что с широкой кожаной петлей.

– Может, придумаем какую-нибудь хитрость, чтобы их стало меньше?

– Н-нападем н-ночью. В-всегда т-так д-д-делают?

Гумс скорее спрашивал, чем утверждал, продолжая четкету на передних зубах. Оленья шкура, конечно, теплая штука, но если не уметь как следует пользоваться иглой и нитками, остается слишком много дырок для вентиляции.

«Это нам с тобой, дружище, не истории у костра рассказывать», – тревожно подумал Одд, глядя на своего товарища.

Вид у Гумса был тот еще. Казалось, его можно было свалить наповал, просто хорошенько хлопнув в ладоши за спиной. От идеи представить самого себя Одд отмахнулся, понимая, что выглядит сейчас не лучше.

Не то чтобы он чего-то боялся. Нет. После всего, что случилось с ним в жизни, напугать Одда было очень трудно. Но ему предстояло решить другую, гораздо более сложную задачу, чем ночная вылазка на болотах. Задачу, которая была так важна для *его* времени и *его* жизни. В ту ночь, когда он понял, что уже не погребен заживо в проклятой орочьей но-

ре, что он каким-то чудом выбрался, в голове сама собой с абсолютной ясностью оформилась мысль, захватившая его полностью: сделать все, чтобы больше в шахты под Свиной горой не попал ни один человек.

Кто-то или что-то услышало его. Может быть, просто повезло. Одд ничего не знал на этот счет. Но, главное, теперь у него был шанс избавить долину от орков, загнать их так глубоко, чтобы даже память о мрачных днях стерлась у жителей долины и осталась лишь ночной страшилкой для малышей. Решение это было твердым, и все теперь в его жизни подчинено одной цели… Хотя, если честно, он понятия не имел, как подступиться к делу. В чем он не сомневался, так это в том, что выпавшим шансом нужно дорожить и не потерять его в случайной схватке с дикарями за тысячи лет до своего рождения.

Идущий рядом Пхо похлопал Одда по плечу:

– Темно. Быстро. Побьем Яг-зы. Вернемся.

«Вот и он думает, что я просто слишком молод и испугался своей первой битвы с чужим племенем», – с досадой подумал Одд.

– Послушай, – снова обратился он к Гумсу, нос которого приобрел от холода сливовый оттенок. – Скажешь да или скажешь нет, хорошо? Яг-зы ведь ждут, что мы придем? Они напали на людей Хум, – Одд уже считал Хум своим племенем, – и теперь знают: мы скоро придем.

Гумс крепко задумался и уже было хотел ответить, но его

опередил немногословный Угул (Одд чуть не подпрыгнул от удивления – все равно что с тобой бы заговорил камень у дороги):

– Да. Хум идти. Яг-зы знать. Ждут.

– Хум – племя охотников, – начал издалека Одд. – Хитро поступить. Олень не ждет. Кабан не ждет. Хум быстро нападает. Хум с добычей. Ставим ловушки. Бобер не ждет. Рыба не ждет.

«Кого они тут еще ловят, чтобы привести пример?» – подумал он про себя. На самом деле Одд начинал злиться на слишком прямолинейных дикарей, которое пошли на битву с превосходящим противником, даже не составив для себя план действий.

– Утка не ждет! Хум хитрее утки! – радостно заключил Одд, надеясь, что доходчиво объяснил свои намерения.

Насчет того, что люди Хум умнее утки, ему никто не возразил. Уже хорошо.

Однако с врагом пришлось встретиться гораздо раньше, чем они ожидали.

Еще на подступах к болоту, когда сосны сменились тонкоствольми ивами и ольхой, а воздух стал густо пропитан запахом прелых листьев, прямо на отряд молча и страшно выскочили пятеро раскрашенных черной глиной туземцев. Они прятались в заросшем кустом овраге и первым же копьем сразили наповал Угула. Завязалась нешуточная драка.

Одд не растерялся и метнул в бегущего на него воина тон-

кую пику, пробившую тому бедро. Дикарь взвыл, упав на траву, где его как бы между делом прикончил Пхо, одновременно насаживая на копье другого чернолицего. Одд никогда не видел человека, который бы двигался с такой скоростью, как Шестипалый. Еще одного из напавших из засады, кому не посчастливилось оказаться на пути огненного воина, тот оглушил ударом в челюсть, отбросив на несколько шагов к молодой березе. С дерева посыпались листья.

Двое других, получив серьезный отпор, безуспешно пытались сбежать от Хларга. Первому досталось копье, второму – тяжелая и, как оказалось, неплохо летающая дубина из целого елового ствола. Одд не смог бы ей даже замахнуться, не то что поразить врага с двадцати шагов. Хларг орудовал ею легко, как бамбуковой тростью, поигрывая валунами мышц на голых плечах.

Неожиданная атака подтвердила: Дети Болотного Змея ждали их. И засада, конечно, была не единственной на пути в их логово. Здесь Хум уже находились на чужой территории. Врагов было гораздо больше. И, вполне возможно, по их следу сейчас уже шли другие.

Похоронив под березами угрюмого и надежного, как скала, Угула, отряд впервые с начала похода собрался в круг, чтобы обсудить дальнейшие планы. Они отошли на приличное расстояние от места стычки, покружили, запутывая следы, и забрались в сырой, пахнущий тиной овраг на краю леска, спускающегося к реке.

С одной стороны, то, что отряд потерял лишь одного воина, можно было считать удачей. Яг-зы поступили примерно так же, как собирались сделать сами Хум: напали в лоб на превосходящего числом противника. С другой стороны, Угул был одним из сильнейших. Еще такая вылазка, в которой им повезет меньше, и к болотам прорвется лишь пара измученных погоней парней, от которых будет не больше толку, чем от прошлогоднего снега.

Длительные и непростые переговоры привели к тому, что вождь Хларг, поразмыслив над сказанным Оддом и для доходчивости переведенным Гумсом, согласно кивнул. Было решено разделиться, заманить воинов Яг-зы в болота малыми силами, а остальным пробраться деревню и освободить пленников, если они еще живы. Задача не то чтобы становилась намного легче, но появлялся неплохой шанс на успех.

Среди ловкачей, которым предстояло отвлечь и увести за собой врагов, оказались Одд (автор идеи, что справедливо), а также Гумс и Суп – самые шустрые и наименее грозные в бою воины, все еще по сути мальчишки, от которых в рукопашной больше суеты, чем реальной угрозы. Риск был велик, но без хитрости, Одд был убежден в этом, поход на болота был просто смелой, но бессмысленной авантюрой.

Глава 8
Горящие болота

Трое, включая Одда, кому предстояло отвлечь на себя воинов Яг-зы, отделились от основного отряда и направились в темноте далеко влево сквозь туманные топи, проверяя тропу перед собой длинными шестами из сухостоя. На счастье, ночь выдалась ясной и лунной, так что дорожки зеленоватого серебра на воде позволяли продвигаться вперед, более или менее ориентируясь на местности. Оставалось надеяться, что люди Яг-зы не пребывают сейчас в такой же радости от того, как удобно им в полнолуние следить за тремя мальчишками, бредущими сквозь болото.

Одд и Гумс здесь были впервые, не говоря о том, что Одду вообще было не место в этом затерянном во времени мире. Гумс же, не будучи охотником, редко покидал окрестности родной деревни, стараясь снискать себе честь и славу смешными рассказами после ужина, а не битвой с дикими зверями и раскрашенными воинами. Иногда ему удавалось довольно ловко отбиваться палкой от летучих мышей в пещере, но это, полагаю, не в счет. Однако Суп, молодой охотник и сын охотника, не раз бывал в этих местах, преследуя дичь, заходя далеко от дома со своим отцом и братьями. Он и стал в эту ночь их проводником, осторожно пересекая от-

крытую воду или перескакивая с кочки на кочку впереди товарищей. Это было особым искусством: надежно упереться ногой, прыгнуть, сгруппироваться, тут же поставив вторую ногу, чтобы не полететь в грязь со скользкой взлохмаченной кочки.

Так они, без единого слова, то скача посуху, то пробираясь вброд, двигались пологой дугой от остальных, стараясь не оставлять следов.

Одд не был знатоком болот. В деревне, где он жил, такие места всегда обходили стороной, стараясь лишний раз не испытывать судьбу. По ним ходили лишь для того, чтобы собирать осенью клюкву или какие-то особые целебные травки, в которых разбирались только женщины. Его мать, бабушки и соседки два раза в год – поздней весной и осенью – затемно выходили с корзинами в топи, вооружившись длинными тонкими шестами, и возвращаясь вечером усталыми и веселыми со своей пестрой ароматной добычей, связанной в пучки. Эта травка – от больного горла, эта – от ноющих в холода суставов… Нужно было знать тысячу примет, чтобы не погибнуть в унылых топях долины. Например, не соваться туда, где со дна поднимались и лопались в жирной тине пузыри вонючего болотного газа. Держаться поближе к худосочным отравленным гнилью деревьям и порыжелым кочкам на случай, если придется хвататься за что-то, завязнув в грязи.

А еще на болотах жил Безумный Пью – старик, о котором в Яттерланде знал каждый и которого дети боялись не мень-

ше злых орков и одноглазых ледяных великанов. Иногда в компании у костра кто-нибудь из мальчишек клялся в том, что прошлой осенью (непременно прошлой, в темный полночный час, ведь так страшнее и к тому же трудно проверить) видел старика Пью в трех шагах – прямо здесь, на этом самом месте! Жуткий старикашка в буром перепачканном кровью плаще медленно вышел из-за деревьев и злобно посмотрел на него своими слепыми глазами… А затем поднял ссохшуюся руку и двинул вперед, размахивая ржавым серпом! Герой едва избежал страшной смерти, жуткий старик вернулся в лес, а все слушатели должны были выть от ужаса – особенно те, чья очередь была идти за сухими ветками для костра вон к тем деревьям на краю поляны.

От таких историй леденело в груди, хотя каждый из присутствующих точно знал, что это чистой воды вранье, которое он сам уже трижды рассказывал друзьям – последний раз не далее как неделю назад.

Мать не раз говорила, что это глупая сказка и никакого такого старика с серпом на болотах нет. А жил там когда-то один несчастный отшельник, имени которого никто уж давно не помнит, да и то умер, когда она еще была маленькой.

– А вдруг он не умер? – спрашивал Одд из-под одеяла.

Бояться чудовищ в собственной постели рядом с матерью и вяжущей бесконечный полосатый шарф бабушкой было чрезвычайно увлекательно. Шарф этот навсегда врезался в память Одда, потому что он видел его каждый вечер в руках

бабули Олл в одном и том же состоянии – законченным ровно наполовину.

– Да точно, помер он, загрызли его волки, – подхватывала вдруг бабушка. – Помер как есть. Я его прошлой осенью видела, когда ходила по травы. Бродит по кочкам, спотыкаясь, глаза белые, сам в пятнах, кожа висит. Мертвый, а дурак дураком, все такой же, как сватался ко мне в юности. Он оттого и ушел на болота, что я за твоего деда вышла, – деловито ставила точку бабуля, не прекращая вязания. Половина шарфа флегматично свисала с ее колен до пола. – Не бойся, не опасный он. Если кто патлы отрастил и ни в какую стричь или кашу в тарелке не доест, тогда только… Живот серпом вспорет и пойдет себе дальше. Тебе ли бояться?

После такого утешения Одд неделю пугался темноты, серпов и плащей с капюшонами. А еще просил стричь его почаще и вылизывал кашу с тарелки до радостного блеска.

«Что это были за страхи? Что за глупости?» – думал сейчас Одд, которому чудной старик с серпом, встреться он теперь на болоте, показался бы не опаснее деревянной куклы. Нынешнего Одда было не напугать какими-то ходячими по болотам чучелами.

Не отдохнув ни минуты ночью, целый день с первых лучей солнца они втроем стаскивали в кучи траву и сухие ветки с кочек и островков вокруг, стараясь как можно меньше шуметь. О том, чтобы рубить деревья или даже ломать тонкий сухостой, не могло быть и речи: стук топора далеко раз-

носился над болотом и сразу бы выдал их присутствие. Из-за этого приходилось набирать топливо для ночных костров по щепотке, заходя все дальше и дальше.

В какой-то момент Одд, набравший целую охапку сухой травы, оглянулся на звук взлетающей птицы. Никого вокруг. Казалось, никого не было в целом мире – ни друзей, ни врагов. Никого вообще. Только бесконечное серое болото, затянутое мутным слепым туманцем. Он всем телом прижался к влажной колючей кочке и закрыл глаза, слыша только свое дыхание.

«Только бы не уснуть сейчас! Нельзя спать!» – кричал он себе откуда-то издалека сквозь мягко навалившуюся дрему. Каким-то невероятным усилием он вскочил на ноги, роняя собранный сухостой. Глаза слиплась от усталости, но если ты не хотел их закрыть навсегда, оставшись в этих болотах, лучше было оставаться начеку и делать свое дело.

О том, чтобы разжечь раньше времени костер, не могло быть и речи. Так что оставалось греться собственным теплом – у кого на сколько хватало. Единственной возможностью не чувствовать пробирающий до костей холод было постоянно двигаться. Тогда по плечам и спине растекался приятный жар… Хотя, будем честны, ноги продолжали неметь в ледяной воде, а стертые в кровь о жесткую траву пальцы рук едва сгибались. Одд подумал тогда, что так вот таиться на болоте – наверное, худшее испытание из всех, которые ему приходилось выдержать в жизни. Даже провести холод-

ную ночь в развилке дерева с волками, бродящими по округе, было куда уютней, чем находиться тут, замерзшим, усталым, оглядывающимся на каждый шорох в ожидании врага.

Не раз работа замирала, когда совсем-совсем близко слышались треск ломаемых веток и плеск воды. Звуки на болоте живут своей жизнью, и никогда наверняка не поймешь, насколько далеко и где именно их источник. Все трое мгновенно бросались в воду, прямо там, где стояли. Только что был человек – и вот уже только еле приметные волны расходятся кругами, затухая между ощетинившихся кочек. Лишь над бурой ряской торчат среди осоки нечесаные макушки голов с настороженными ищущими угрозу глазами.

Что-то тяжелое медленно приближалось, оступаясь на илистом дне, с фырканьем выбиралось из грязи и громко дышало в затылок замершим в воде бесстрашным воинам Хум. От этих звуков желудок сжимался в кулак и по спине пробирали мурашки. От ледяной воды, забиравшейся под одежду, тело пробивала дрожь.

А потом, кажется, через вечность, из-за спутанных кустов на прогалину выбирался огромный лось, дико косил лиловым глазом, фыркал и с шумом ломился дальше сквозь заросли по своим делам. Мальчишки выбирались из воды, улыбаясь собственному страху, и продолжали работу.

* * *

На закате мокрые, стучащие зубами, с грязнущими исцарапанными лицами, они сидели на небольшом островке, спрятавшись в траве, как три неведомых болотных чудища, ждущих добычу. Думать о том, что самое страшное, что можно встретить на болоте в этих падающих с гор сумерках – это они сами, было очень приятно. Хотя и была эта мысль сущими враками, но от нее становилось не так страшно. Еще бы придумать что-нибудь, чтобы стало не так холодно…

С неба на сухие колосья, маслянистую воду вокруг и усталых мальчишек сыпались мелкие, как крупа, снежинки. Где-то рядом почти бесшумно бороздили воздух мягкими перьями охотящиеся на мышей совы. Пахло холодом, перемешанным с тиной и гниющим деревом. Говорить ни о чем не хотелось, а хотелось лишь укрыться в тепле, закрыть глаза и провалиться в пропасть сна, забыв обо всем на свете.

За день они взбаламутили столько придонной грязи, собирая «урожай» болотной растительности, что даже при свете луны были заметны широкие круги мути, так и не осевшей среди прогалин. Каждое движение отдавалось сытым противным хлюпаньем, к которому все уже так привыкли, что даже теперь им продолжало мерещиться, что они сейчас не сидят кружком спина к спине, а все идут и идут куда-то по колено в ряске, с чваканьем переставляя ноги.

Единственным преимуществом холодной погоды было то, что исчезла безжалостная мошкара, облеплявшая летом лицо и руки. Думая об этом, Одд пришел к выводу, что борода в природе имеет вполне ясное предназначение: защищает лицо от гнуса и ледяного ветра (он не мог этого знать, но некоторые особенно находчивые старики запасают в ней хлебные крошки для кормления птиц). А если еще хорошенько вываляться в грязи… Ни один комар не прокусит доброго грязевого панциря!

Глядя на лица своих товарищей, он представлял себе, какой чумазый сейчас сам. И как это все вообще странно, что он тут с ними. И все-все, что происходило и происходит. Будто шахты, бегство, жизнь здесь – это только долгий путаный сон, а на самом деле он сейчас закроет и откроет глаза – и увидит хитрое плетение «ловца снов» над своей кроватью, дощатый потолок и отсветы печки в приоткрытой двери комнаты, за которой взрослые устроились на поздний чай. Незаметно Одд засыпал, привалившись плечом к какому-то выступу в колючей траве…

* * *

Луна стояла в зените, мелькая между ветвей щербатым бледным лицом. Бдительный и чуткий, как куропатка, Суп растолкал прикорнувших товарищей. Пора было начинать то, ради чего они трудились весь день.

Одд осторожно высек пламя и каждый унес его с собой в чаше из древесной коры, в которую натолкали сухих листьев. Все трое, прикрывая ладонями огонь, разбрелись по своим местам. На каждого приходилось по две копны собранного за день болотного мусора, который предстояло поджечь, а затем бежать сломя голову, путая следы, и затаиться, чтобы не попасть в руки охотников за головами, бродившим где-то в темноте.

Ночь на болотах. Несколько шагов от своих товарищей – и ты остаешься совершенно один среди перепутанных зловещих теней, неясных звуков и жадных, готовых тебя проглотить топей. В эти секунды сердце человека наполняется ужасом, а чувства обостряются до звериных.

Одд, пригнувшись и озираясь по сторонам, добрался до первой кучи и поднес чашу к сухой траве. Она щелкала и шипела, медленно занимаясь пламенем. Вскоре робкое зеленоватое пламя начало жадно пожирать ветки и вдруг словно взорвалось, рванув к небу. Для большего эффекта по краям был накидан влажный волокнистый дерн и куски торфа, которые тлели, выпуская вверх облака коричневого едкого дыма.

Мальчик, шлепая по воде, побежал ко второй куче. Скрываться уже не было смысла, нужно было действовать как можно быстрее. Когда он оглянулся, то увидел, что за спиной за частоколом из тростника и кривых стволов полыхают еще два таких же костра.

Вскоре среди болот в кроны ощерившихся деревьев ударило шесть снопов света, видных издалека. Столбы дыма цеплялись за их верхушки и уносились в безоблачное звездное небо.

Половина дела была сделана. Теперь, цепляясь и двигаясь наугад, они продирались в самое сердце топей, куда не заходили даже отчаянные охотники и звери. Только укрывшись там, можно было рассчитывать остаться незамеченными шарящими по болотам Яг-зы.

Глава 9
Много цапель и один кот

– Ты знаешь, где мы? – шепотом спросил Одд.

Суп отрицательно мотнул головой, приложив палец к губам. С его заплетенной в косички шевелюры сорвалось несколько мутных капель, испугав маленького коричневого тритона, высунувшегося было над поверхностью.

Уже не меньше четырех часов они стояли здесь по грудь в воде, притаившись в корнях развесистого старого дерева, растущего прямо из болота. Вокруг простирались густые заросли камыша, за стеной которых беглецов было не различить с десяти шагов. Главное правило: не издавать звуков и не шевелиться, чтобы нагревшаяся от тела вода под одеждой не перемешивалась с холодной. Торчащие над поверхностью плечи пробирал назойливый ледяной ветерок, который при всем желании невозможно было назвать свежим. После долгого бега ужасно хотелось пить, но болотная вода для этого не годилась, а кожаные фляги были давно пусты. В дополнение ко всему на рассвете ветви дерева облюбовала большая стая ворон. Их ни на секунду не утихавший гвалт потихоньку сводил с ума, а на головы то и дело падали отходы неприхотливого птичьего пищеварения.

От нечего делать Одд с любопытством рассматривал уди-

вительный мирок созданий, считавших это бесприютное для людей место своим домом. В скопившейся под корнями жирной грязи то и дело мелькали какие-то мелкие твари: тритоны, лягушки и охотящиеся на них тонкие, как шнурок, ужи. Сонная пиявка пыталась медленно заползти на руку Гумса. Тот сбросил ее в воду и мечтательно посмотрел на светлое утреннее небо.

Время тянулось, как патока, и сколько им еще предстояло находиться здесь, было неизвестно. Покидать укрытие слишком рано – явно плохая идея: ночью им едва удалось оторваться от погони. Яг-зы оказались гораздо ближе к кострам, чем хотелось бы. Двигаясь совершенно бесшумно, они подошли вплотную к импровизированному лагерю и сорвались на бег, только увидев первый костер-приманку. Судя по шуму и крикам, за мальчишками гналось не меньше трех десятков воинов, и то, что они без единой царапины стояли сейчас под этим деревом, было настоящим чудом. Тогда, ночью, бояться было некогда, зато сейчас каждый дал волю фантазии и представил себя убитым дикарями сорока пятью страшными способами.

Все как один нервно вздрогнули, когда совсем близко от них послышались хлюпающие прерывистые шаги. Судя по всему, кто-то пробирался сквозь заросли, не разбирая дороги и часто проваливаясь в грязь. Не могло быть сомнения, что это не лось и не кабан, а человек. Причем человек, либо предавшийся панике, либо спасающийся от преследования,

что часто сопутствует одно другому. Все трое взялись за короткие жалящие, как змеи, копья, до этого мирно составленные у дерева, и до подбородка погрузились в воду. «Неужели они нас нашли здесь?!» – пронеслось в голове у Одда. Рукой он нашарил на поясе булаву, готовый в случае чего прибегнуть к крайнему выходу – случайному прыжку во времени.

Со стороны, обратной той, где стояли беглецы, среди камышей послышался отчаянный «плюх!» и возня человека, пытающегося выбраться из трясины. Теперь к плеску густой, как кисель, болотной воды добавилось срывающееся на плач дыхание и жалобный зов о помощи. Все трое невольно высунулись из-за корней: голос принадлежал ребенку.

Представшее им зрелище было вполне ожидаемым: в пластах липкой тины бултыхался мальчик лет семи, которому не хватало роста и сил, чтобы упереться в илистое дно и постепенно выбраться, хватаясь за жесткие стебли. Если не уповать на смутную удачу, его положение было безнадежным.

Лицо и бритую голову мальчика украшал почти смазавшийся рисунок из черной глины. Без сомнения, малыш был из племени Яг-зы. Юный, неопытный воин, отставший от взрослых головорезов и заблудившийся на болоте.

Все трое кинулись к нему – но, как оказалось, с совершенно разной целью: Суп, чтобы утопить, ведь его крики могил привлечь остальных охотников, а Одд, чтобы спасти, потому что имел вполне определенное мнение насчет попавших в беду малышей, к какому бы племени они ни принадлежали.

В результате небольшой потасовки все четверо оказались до макушек вывалены в грязи и стояли, тяжело дыша, среди взбаламученной ими заводи. Сверху на происходящее с интересом наблюдали вороны, не забывая о своей обязанности вести ритмичную бомбардировку отходами жизнедеятельности.

Мальчик вовсе не выглядел воинственным и готов был расплакаться, но явно держался, чтобы не упасть в грязь лицом, выражаясь фигурально, поскольку фактически в нее только что и неоднократно падал.

– Как тебя зовут? – спросил его Одд.

Карапуз хлюпнул носом и ответил:

– Корб Много Цапель.

Он попытался выглядеть воинственно и гордо, но что-то не клеилось с образом.

– Так, Корб… Куча Птиц… – Одд не был слишком силен в языке долины. Мальчик скроил недовольную рожу, но промолчал. – И что ты здесь делаешь? Один на болотах?

Малыш еще сильней сдвинул брови, но тут же опасливо посмотрел на Супа, негодованию которого не было предела, и перестал гримасничать.

Он буквально кипел, глядя на эту пасторальную сцену. Спасать человека из вражеского племени, даже если это маленький мальчик, никак не укладывалось в его голове. Гумс вел себя гораздо спокойнее и даже пытался разнять их с Оддом, когда те не на шутку сцепились из-за найденыша. Вряд

ли его так уж беспокоила судьба какого-то мальчишки Ягзы, но и свары между своими он не хотел. Выражение лица у него было весьма серьезным. Одду вдруг показалось, что Гумс был совсем не так прост, каким привыкли его считать в деревне. Если не силой, то умом и чувством справедливости он вполне мог когда-нибудь возглавить племя. Одд мысленно пожелал ему удачи в этом, уверенный, что для племени так будет совсем не хуже, чем под управлением самоуверенного громилы.

Между тем малыш более или менее успокоился и отвечал гораздо охотнее:

– Я решил первым схватить пленников! – заявил он.

У всех троих отвисла челюсть от удивления. Карапуз оказался вовсе не жертвой беспечности взрослых, не доглядевших за ребенком в опасном месте, а настоящим сорвиголовой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.